

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ТАТЬЯНА ПУГАЧЕВА

ДИПФЕЙК
ДЛЯ ВДОВЫ

КРИМИНАЛЬНЫЙ
ТАЛАНТ 60+

Татьяна Пугачева

Дипфейк для вдовы

«Автор»

2026

Пугачева Т.

Дипфейк для вдовы / Т. Пугачева — «Автор», 2026

Ольга Николаевна Зуйкова давно вышла из опасной игры спецслужб: теперь в её жизни - только море, сад, любимая кошка Маруся и тишина. Но однажды покой приморского городка нарушает череда странных событий, растущих, как снежный ком: письма от мёртвых, фальшивые голоса и старые фотографии, бьющие по памяти живых. Она быстро понимает: это не мистика, а новая технология старого шантажа. Кто-то с помощью дипфейков и архивных утечек выкуривает из прошлого хранителей опасных тайн. За красивыми фасадами побережья — благотворительными фондами, отелями — скрыта система, построенная на грязных деньгах и замаскированных преступлениях. Чем глубже Ольга Николаевна погружается в расследование, тем яснее: эта история касается не только чужого прошлого. В эпицентре оказывается и её собственная жизнь, и покойный муж, когда-то ставший звеном в чужой криминальной схеме. Когда события затрагивают Ольгу Николаевну лично, она возвращается в игру - и очень быстро становится для врагов их главной проблемой.

© Пугачева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Штормовое предупреждение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дипфейк для вдовы

Пролог

В моем возрасте есть одно неочевидное преимущество: становится гораздо легче лгать. Не злонамеренно, нет. Просто убедительно казаться не тем, кто ты есть на самом деле...

В юности от нас ждут честности, искренних порывов, стремления к правде. После шестидесяти общество охотно прощает другое: медлительность, рассеянность, привычку носить с собой лекарства. Никто не удивляется путанице в паролях или легкой странности во взгляде. Добавьте к этому любовь к розам, соломенную шляпку и вежливую улыбку - и вот вы уже не современный человек, а старомодное украшение. Фарфоровая собачка на серванте.

Все это очень удобно... Особенно, если ты не рассеянная, не безобидная и уж точно не фарфоровая собачка.

Меня зовут Ольга Николаевна Зуйкова. Мне шестьдесят два. Пять лет назад я переехала на побережье, в дом, где по утрам пахнет морской солью и влажной землей, а по вечерам - жасмином, книгами и хорошо устроенным одиночеством. У меня есть маленький сад, кошка Маруся и три любимые чашки, каждая с едва заметной трещиной. Здесь, в нашем приморском городке, я заслужила репутацию достойной вдовы, которая слишком много читает и слишком хорошо выглядит для своих лет. Эту репутацию я берегу. Она - мой главный актив.

Люди любят понятные объяснения и я стараюсь их не разочаровывать. Бывшая учительница информатики, овдовев, уехала к морю. Выращивает розы, спорит с соседями о подкормке для гортензий, иногда подрабатывает дистанционно. Что в этом необычного? Современный мир терпим к женщинам моего возраста, если те не создают проблем, не требуют внимания и не задают лишних вопросов.

Я же стараюсь не лезть в чужие дела и не создавать проблем кому бы то ни было. По крайней мере, пока меня не попросят о помощи...

Когда-то - хотя нет, не «когда-то», а в другой жизни, до моря, сада, тишины и соленого ветра на веранде - у меня была привычка вмешиваться в ситуации, если я видела, что мужчины у власти, при оружии или за большими ореховыми столами не хотят замечать очевидного.

К примеру, что даже самый умный вор оставляет следы.

Что трус всегда предает по расписанию.

Что жадность обычно плохо скрывается.

И что компьютер - не просто машина, а зеркало, в которое можно заглянуть, если знать, как правильно смотреть.

Я знала, как это делать...

Сначала я помогала по просьбе. Потом - когда это стало необходимо. А потом поняла, что уже поздно притворяться обычной преподавательницей, объясняющей школьникам разницу между оперативной и постоянной памятью. Люди в серых кабинетах быстро понимают, насколько ценны такие женщины, которые не требуют особых привилегий и не задают лишних вопросов.

Все шло более или менее терпимо до того дня, пока один неприлично богатый, очень влиятельный и очень уверенный в собственной безнаказанности человек не решил, что государство - это дойная корова, а Родина - удачное место для вывода денег перед побегом. Он был аккуратен, нагл, прекрасно охраняем и окружен такими наростами лжи, что даже профессионалы морщились и говорили: «Сложно».

А я не люблю слово «сложно», когда речь идет о подонках...

Дальше, как говорится, случилось недоразумение. С его точки зрения - катастрофическое. С моей - воспитательное.

Если отбросить эмоции и специальную терминологию, я всего лишь использовала его собственную архитектуру доверия, его собственные промежуточные узлы, его собственную слепую жадность и одну плохо защищенную привычку считать окружающих глупее себя. Через сорок восемь часов его деньги перестали быть его деньгами. Еще через сутки они очень красиво, трогательно и совершенно необратимо превратились в пожертвование благотворительному фонду с кристально прозрачной отчетностью.

Я до сих пор считаю, что это был один из лучших гуманитарных проектов в моей жизни!

Менее высокую оценку моему поступку дал Виктор Сергеевич Ордынцев, в ту пору возглавлявший одно серьезное Управление, название которого приличные люди вслух не произносят без необходимости. Он долго смотрел на меня так, словно решал, следует ли немедленно придушить меня папкой с грифом Секретно или ограничиться нравоучением.

- Вы понимаете, Ольга Николаевна, - сказал он тогда очень тихо, - что нормальные люди не делают таких вещей?

- Нормальные российские олигархи тоже, - ответила я.

Он не улыбнулся. Хотя, кажется, хотел.

Потом он сделал то, чего я никак не ожидала: он не отдал меня на растерзание ни тем, у кого я отняла деньги, ни тем, кого я поставила в неловкое бюрократическое положение. Вместо этого он организовал мне защиту, тишину, возможность исчезнуть с радаров и начать почти новую жизнь на берегу моря в красивом домике с верандой и садом.

Взамен потребовал только одно.

- Дайте слово, - сказал он. - Что больше не подойдете к компьютеру.

Это был, конечно, шантаж, замаскированный под заботу.

Я посмотрела на него и спросила:

- А к планшету можно?

Тогда он все-таки улыбнулся.

Слово я, конечно, дала.

Формально я его даже держу. К компьютеру, стоящему в гостиной на виду у всех, я действительно подхожу редко. Чаще сажусь к ноутбуку на веранде. Или беру планшет в сад. Или телефон. Или работаю ночью, когда море шумит так, будто старается помочь мне заглушить стук клавиш.

Человек, который придумал фразу «больше не подходить к компьютеру», явно недооценивал технический прогресс и мою изобретательность.

И вот уже пять лет я живу у моря. Выращиваю розы и гортензии. Пью кофе на рассвете. Иногда спорю с соседкой Лидией Павловной о нравственном разложении молодежи, хотя втайне считаю, что молодежь по сравнению с некоторыми шестидесятилетними жуликами - образец нравственной устойчивости. Иногда беру небольшие заказы для подработки: сайт, интерфейс, бот, приложение, цифровая прическа для чьего-нибудь скромного бизнеса. Сейчас это называют смешным словом «вайбкодить». В моем возрасте нет смысла спорить с чужим словарем, если он приносит деньги.

Пенсии, знаете ли, хорошо воспитывают умеренность, но плохо оплачивают интернет.

Я была бы совершенно счастлива, если бы зло вело себя прилично и обходило мой дом стороной. Но зло, как назло, в последние годы окончательно обнаглело. Оно лезет в телефоны стариков, в банковские счета, в гостиничные журналы, в благотворительные фонды, в чужие биографии, в похоронные венки и семейные архивы. Оно больше не носит черный плащ и не прячет нож в сапоге. Оно сидит в мессенджерах, улыбается белыми винами и подписывает договоры электронно-цифровой подписью.

Меня это оскорбляет эстетически...

А если меня что-то оскорбляет эстетически, я редко могу пройти мимо.

Впрочем, тогда, тем утром после шторма, я еще не знала, что все начнется именно так - с моря, камней и мертвого мужчины, у которого в кармане лежала бумажка, промокшая куда меньше, чем следовало бы.

Если быть совсем честной, в тот момент я думала о своих розах.

Это, как показывает опыт, самая ненадежная стадия покоя.

Глава 1. Штормовое предупреждение

Ночью море вело себя, как человек, которому долго не давали высказаться. Оно яростно било в берег, словно споря не с камнями, а со своей памятью. Стекло в спальне дрожало, резные декоративные ставни скрипели, а Маруся, обычно равнодушная к стихиям, забралась ко мне под одеяло и улеглась на ноги, будто я обязана была ее защитить. Дважды отключалось электричество, а один раз что-то тяжелое с грохотом упало во дворе. Утром выяснилось, что это была старая глиняная кадка, которую я давно собиралась переставить.

В моем возрасте неприятности часто происходят не внезапно, а из-за собственного упрямства.

Я проснулась рано, хотя после такой ночи разумный человек спал бы до полудня. Но утро у моря редко бывает разумным. Воздух после шторма особенный - влажный, холодноватый, с металлическим привкусом, словно кто-то промыл весь мир соленой водой и оставил сушиться на ветру.

Я накинула длинный серый кардиган поверх домашнего платья, сунула ноги в старые мягкие туфли, поставила чайник и вышла на веранду.

Небо как-будто еще не решило, будет ли день красивым или просто светлым. На востоке небо серело с розовым оттенком, облака разлетались клочьями, а сад был усыпан мокрыми лепестками. Мои английские розы выглядели так, будто провели ночь в плохой компании. Лаванда полегла, гортензии стояли, не теряя достоинства, а плетистый жасмин, кажется, наслаждался этим природным хаосом.

- Ну что, - сказала я кустам, - все живы?

Кусты ответили честным молчанием, а из дома донеслось возмущенное мяуканье Маруси, напоминающее, что живы, может, и все, но завтрак у некоторых по расписанию.

Пока закипал чайник, я обошла двор, подняла кадку, вылила из нее воду, проверила, не сорвало ли шпалеру у южной стены, и только потом позволила себе чашку крепкого чая. Кофе после бессонной ночи я не люблю: он усиливает не бодрость, а раздражительность. А раздражительность мне нужна в дозах. Это рабочий инструмент, а не образ жизни.

Я уже собиралась вернуться в дом, переодеться и сходить к морю, когда за калиткой раздался знакомый, энергичный, совершенно лишенный деликатности стук.

Не звонок. Именно стук. Так стучат люди, которые убеждены, что новость важнее чужих нервов.

- Ольга Николаевна! - донесся голос Лидии Павловны. - Вы дома?

Я открыла калитку.

Лидия Павловна, моя ближайшая соседка и главная несанкционированная информационная служба нашего переулка, стояла в синем плаще с капюшоном, из-под которого непринужденно выбивались тщательно уложенные седые волосы. В руке она держала авоську, хотя в такую рань честная авоська служила не столько хозяйственным целям, сколько камуфляжем для любопытства.

- Если я вам скажу, что нет, вы расстроитесь? - спросила я.

- Не шутите, - сказала Лидия Павловна с тем особенным удовольствием, с каким люди просят не шутить именно тогда, когда собираются сообщить нечто потрясающее. - На пирсе человек утонул!

- Утонул или нашли труп?

- Нашли. Но, наверное, утонул.

- Это разные сюжеты, - заметила я.

- Вот потому я к вам и пришла, - заявила она так, словно я занимала должность старшего по сюжетам. - Идемте.

- Лидия Павловна, я еще не завтракала.

- Он тоже уже не позавтракает, - сурово сказала она, укоризненно покачав головой.

Я посмотрела на нее. Потом на море за ее плечом. Потом на чай, который остывал на веранде. И поняла, что спокойное утро отменяется.

Это, к сожалению, обычно происходит без согласования.

Дорога к пирсу занимала минут десять, если идти нормальным шагом, и все двадцать - если идти с Лидией Павловной, которая по пути непременно должна была:

- рассказать все, что уже знает;

- предположить все, чего не знает;

- осудить тех, кого еще даже не успели назвать виноватыми.

Удивительным образом при этом часть ее сведений оказывалась полезнее официальных.

- Нашли рано, - говорила она, осторожно переступая лужи. - Рыбаки увидели. Тело на камнях, у дальнего спуска. Сначала подумали, бревно. А потом ноги.

- Убедительно, - сказала я.

- Не местный.

- Почему?

- Я бы знала.

Тут спорить было трудно. Лидия Павловна действительно знала если не всех местных, то всех, кто хотя бы дважды прошел по нашей улице в одинаковых брюках. Память у нее была библиотечная, цепкая, каталогизированная и немного мстительная.

- Снимал комнату у Веры Семеновны, - продолжала она. - Неделю, кажется. Сказал, что турист. Но какой-то неправильный турист. Без шашлыков, без экскурсии, без женщины. Все в телефон смотрел, а вечером куда-то ходил.

- В наше время это описание подходит примерно к половине человечества, - заметила я.

- Нет, вы не понимаете. Он нервный был. И в магазин ходил как разведчик.

- А вы у нас эксперт по разведчикам?

- Я библиотекарь на пенсии, - отрезала она. - Мы людей чувствуем лучше, чем ваши компьютеры.

Это было несправедливо по отношению к компьютерам, но частично верно по отношению к людям.

Когда мы вышли к пирсу, там уже собралось достаточно народу, чтобы можно было не сомневаться: к обеду городок получит пять версий происшествия, к вечеру - двенадцать, а к завтрашнему утру дойдут до мистики, контрабанды и любовного треугольника с элементами сатанизма...

Море после ночного буйства отступило, но не смирилось. Волны еще тяжело накатывали на камни, воздух был пропитан йодом, водорослями и тем особенным запахом сырого камня, который всегда напоминает мне школьные лаборатории - чисто, холодно и чуть тревожно.

Пирс оцепили ленточкой, больше для приличия, чем для пользы: местные все равно вытягивали шеи из всех доступных углов. Я не люблю толпу возле чужой смерти. Толпа почти всегда жадна.

Тело лежало ниже, на мокрых камнях у бетонного спуска. Видно было не все, но достаточно: мужчина, примерно лет сорока пяти, темная куртка, джинсы, одна рука неудобно подввернута, лицо частично закрыто. Рядом работали двое полицейских и мужчина из скорой, который уже делал те движения, по которым понятно: спасти тут некого, осталась только процедура.

И среди всех этих людей стоял молодой мужчина в куртке цвета мокрого асфальта, с лицом сосредоточенным и упрямым. Я видела его раньше - пару раз у магазина, один раз у администрации, еще однажды он заходил к соседям из-за какого-то бытового скандала. Тот самый Артем, о котором говорили, что его недавно перевели сюда то ли участковым, то ли в уголовный розыск, в зависимости от фантазии рассказчика.

Он заметил, как мы с Лидией Павловной подходим, и на его лице отразилось все, что обычно отражается у молодых оперативников при виде любопытных пенсионерок: вежливость, усталость и предчувствие осложнений.

- Доброе утро, - сказала я.

- Для кого как, - ответил он и тут же, будто спохватившись, добавил: - Извините. Гражданам лучше сюда не подходить.

- Мы и не собирались бросаться в море, - заверила его Лидия Павловна.

Я бы, возможно, сказала что-нибудь мягче, но у Лидии Павловны вежливость всегда шла после истины.

Артем скользнул по нам взглядом, задержался на мне на секунду дольше, чем требовала случайная оценка обстановки, и снова повернулся к месту происшествия.

- Вы местные? - спросил он.

- К сожалению для некоторых, - сказала я. - А вы, видимо, собираете круг тех, кто все видел и ничего не знает?

Он едва заметно усмехнулся.

- Примерно так.

- Мужчина жил у Веры Семеновны, - немедленно доложила Лидия Павловна. - Неделью. Не пил. Или пил мало. Не шумел. Ходил поздно. Тревожный был.

- Спасибо, - сказал Артем тоном человека, который еще не решил, благодарить ли за помощь или опасаться объема последующей инициативы.

Я опустила взгляд на мокрый асфальт. Между полицейским ботинком и рукавом погибшего блеснуло что-то белое. Это был маленький скомканный клочок бумаги, торчавший из бокового кармана куртки.

В этом не было бы ничего странного, если бы не одна деталь: куртка, камни, воздух и даже люди вокруг были мокрыми. А бумага выглядела подозрительно целой. Не сухой, конечно, но и не размокшей, как ей следовало бы после ночи под проливным дождем.

Я промолчала.

С годами учишься ценить не только то, что видишь, но и правильный момент, чтобы заговорить.

- Вы его знали? - спросил Артем уже конкретно у меня.

- Нет. Видела пару раз издалека.

- Где?

- У магазина на углу и однажды на набережной. Он оглядывался чаще, чем любовался пейзажем. Для туриста это странно.

- Это ваше наблюдение как преподавателя информатики? - спросил он неожиданно.

Я перевела взгляд на него.

- Откуда вы знаете, что я преподавала информатику?

- Маленький город, - спокойно ответил он, отведя взгляд.

Это было сказано слишком просто. Маленький город действительно многое объясняет, но не все. Я отметила про себя и его осведомленность, и то, как легко он произнес эту фразу. Молодой, а уже умеет прикрывать интерес банальностью. Хорошее качество для оперативника. Но опасное для окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.